

УДК 398.8

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОРНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛОКАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

А. А. Иванова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1, bratynia@rambler.ru

В статье на примере географических песен, последовательно опевающих деревни и их жителей, предпринята попытка показать эвристический потенциал анализа традиционного сельского культурного ландшафта с междисциплинарных позиций фольклористики, этнографии и географии.

Ключевые слова: локальный культурный ландшафт; репрезентация; песенный фольклорный путеводитель.

SONG FOLK GUIDE AS A WAY OF REPRESENTATION OF THE LOCAL CULTURAL LANDSCAPE

A. A. Ivanova

Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation, bratynia@rambler.ru

Using the example of geographical songs consistently singing villages and their inhabitants, the article attempts to show the heuristic potential of analyzing the traditional rural cultural landscape from the interdisciplinary positions of folklore, ethnography and geography.

Keywords: local cultural landscape; representation; song folklore guide.

Заметная тенденция развития научного знания последних десятилетий — нацеленность на междисциплинарность. Она предполагает ряд операций по определению общих для разнопрофильных специалистов «координат» в области объекта и предмета исследования, его теоретико-методологических и методических оснований, научного тезауруса. При соответствующей личностной установке исследователей и точной организации самого исследовательского процесса, этот шаг может завершиться созданием новой интердисциплины (этнолингвистика, лингвофольклористика, лингвогеография, культурная география, др.).

География, этнография и фольклористика имеют давнюю историю взаимодействия. Еще в конце XIX в. на базе историко-филологического

факультета Московского университета Д. Н. Анучиным создана кафедра географии и этнографии, которая впоследствии перенесена на физико-математический факультет. Расцвет русской географии, как культурно ориентированной научной дисциплины, пришелся на 1910–1920-е гг.: именно в этот период в отечественной и зарубежной науке сформировался взгляд на ландшафт как на сложный природно-культурный комплекс. В трудах Л. С. Берга, К. Sauer и др. появился термин *культурный ландшафт*, по-новому очерчивающий междисциплинарные объектные и предметные границы.

В наши дни под культурным ландшафтом (КЛ) понимается «природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности» [1, с. 16]. Существуют разные исследовательские модели описания системной морфологии традиционных сельских КЛ. Согласно одной из них [2] в нее входят следующие компоненты: 1) природная среда обитания, 2) сообщество людей, проживающих в ней, 3) их хозяйственная деятельность, 4) селитьба (способ селенческого обустройства жизненной ойкумены: жилые, хозяйственные, культовые постройки, их экстерьеры, интерьеры, способ пространственной организации на местности), 5) язык, 6) материальная и духовная культура (рис. 1).

Рис. 1. Исследовательская модель культурного ландшафта

Язык и культура, будучи составными компонентами КЛ, являются также вербальными и паравербальными «языками» его описания [3]: по отношению к ним остальные компоненты выступают в качестве смысло-

и текстопорождающих референтных оснований. С наибольшей очевидностью это проявляется в фольклорных песнях, которые известный этнограф и фольклорист Д. К. Зеленин назвал *географическими*, поскольку в них опеваются реальные пространства и населяющие их этносообщества. Содержащаяся в ГП этнокультурная информация воспринимается певцами и слушателями как абсолютно достоверная (неслучайно такого рода тексты Д. К. Зеленин охарактеризовал как «голос народа о самом себе и соседях» [4, с. 61]).

Картографирование локусов опевания и анализ порядка их следования выявили «маршрутный» принцип текстообразования ГП: траектория развертывания песни обычно определяется реальным географическим объектом-конфигуратором — культурным (дорога, улица) и/или природным (река, озеро, море): *«Это один все складывал. Суворов Николай Александрович его звали, жил в Федоровском. И он пел про весь наш сельсовет, про все деревни, что по реке были. Все эти деревни стоят прямо по реке до Погорелки. А Новоселиха уже в сторонке, он про нее не пел»* (Вох., с. Спас, Ф. А. Борушкова, 49 лет). На этом основании ГП можно анализировать как своего рода фольклорный путеводитель по локальным КЛ. В момент исполнения песни певцы и слушатели совершают ментальное путешествие от деревни к деревне, сфокусировав внимание на наиболее приметных особенностях КЛ каждой из них. Характерно в этой связи, что многие из ГП начинаются с упоминания акта движения (*«Шел Ванюша по угору»*, *«Молодежь скоро подкатит»*, *«Пойду-выйду на зеленые луга»*, *«Я бежала по поженке»*), обозначают начало и конец пути (*«От Варнавина в Урень сорок восемь деревень»*, *«Мы от Суркова начнем до Економии кончём»*) или содержат прощание с покидаемым местом (*«Прощай, Лальский наш посад»*, *«Прощай, славной Петербург»*).

Песенное путешествие может осуществляться с двух позиций: *внешней* и *внутренней*. В первом случае в качестве собирательного образа лирического героя выступают *чужие* (плотогоны, нищие, бурлаки и т. п.). Плохо осведомленные о внутренней жизни опеваемых этносообществ, они сориентированы на отражение в тексте визуальных особенностей мест их проживания:

*На Исадах (1) пароходы пристают,
На Мutowине (2) лесок не высок,
На Черменине (3) рассыпался песок.
Еще Кичуга (4) в логу, в логу, в логу.
Стоит Печерза (5) на самом берегу.
Офонасовец (6) – крутые берега.
А в Давыдовском (7) вода глубока.*

*Под Скорятином (8) река широка.
На Лодейке-то (9) вода велика.
Под Соловьёвым (10) приставаля верхота,
На Прилуки-то (11) идут бережском.
На Каликине (12) угор велик.
На Красавине (13) дородно жить.
Что Сорочка (14) – деревня мала,
А на Власове (15) широкие поля.
На Глазатове (16) река глубока,
За Одомчином (17) зелененький лесок.
Благовещенье (18) далеко от реки,
А за рыбой все же ходят мужики.
А Гремячево (19) у самой у реки,
А живут-то там одни старики.
А в Осинове (20) малы берега,
Там спуститься можно в два шага [5, с. 48–49].*

Процитированная плясовая припевка, записанная в Великоустюгском районе Вологодской обл., является своеобразной речной навигационной картой, в которой последовательно перечисляются селения, расположенные вдоль р. Сухоны от д. Исады до д. Осиново (всего 20), (рис. 2).

Песня охватывает приречную территорию длиною примерно в 40 км и представляет ее с физико-географическими и визуально-пейзажными характеристиками: примечательное местоположение селения, архитектурные объекты, специфика рельефа, растительности. При этом в описании бассейна Сухоны акцент явно сделан на особенностях фарватера реки, что служит косвенным свидетельством о среде речников–сочинителей песни. В описании и оценке локусов и людей подобные ГП обычно объективны и нейтральны.

Принципиально иначе выстраивается *внутреннее* песенное путешествие. В сообщаемой информации акцент переносится с физико-географических на этнокультурные особенности опеваемых объектов (социальные, психические, языковые и другие), по которым группа людей осознает свою идентичность (одинаковость и единство) и отделяет себя от ближайших соседей. Поскольку эта информация носит «закрытый» характер, ареал создания и бытования данного типа ГП весьма ограничен: это территория, в пределах которой она способна «считываться».

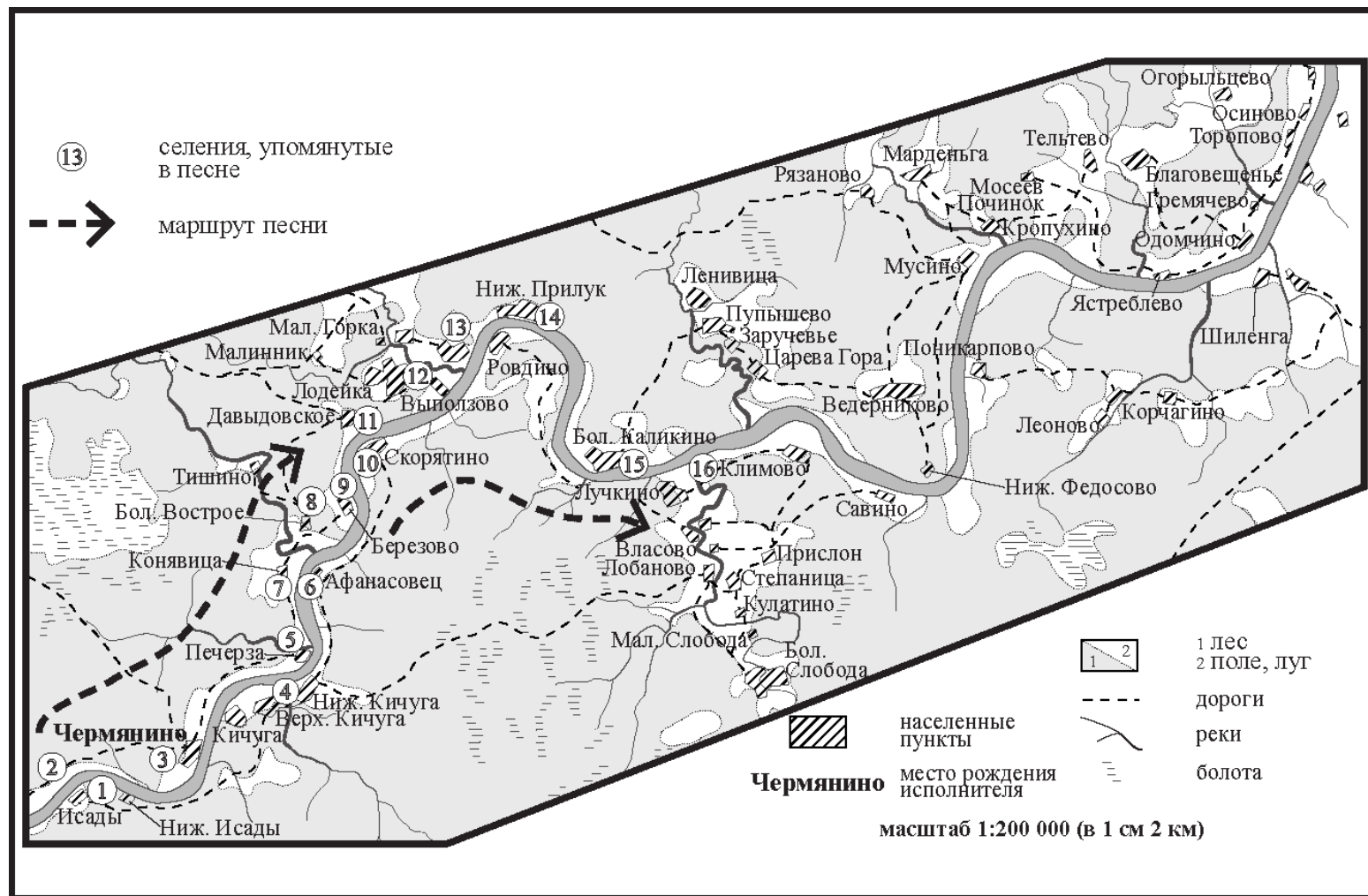

Рис. 2. Карта великоустюгской географической песни

В зависимости от ситуации исполнения песни (свадьба, съезжие праздники, молодежные гуляния, артельные работы) и социумной принадлежности исполнителя жители селений могут оцениваться позитивно или негативно (отчего песня приобретает величальный и/или корильный характер):

Карашела – тараканы, тараканы, (д. Карощелье)
Были едомцы богаты, вот они богаты, (д. Едома)
Усть-важане вороваты, вороваты, (д. Усть-Вашка)
Некорыстна молодежь — монастырцы, (д. Монастырщина)
Оборваны кушаки — то смоляны, (д. Смоленец)
Бородаты мужики — пылемчана, (д. Пылема)
Толстобрюхи мужики — то вожгоры. (д. Вожгора)
[5, с. 138]

Сокращения: Вох. — Вохомский район Архангельской области

Библиографические ссылки

1. *Веденин Ю. А.* Культурно-ландшафтное районирование территории Кенозерья // *Наследие и современность*. 2019. № 2(2). С. 20–34.
2. *Калуцков В. Н.* Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008.
3. *Иванова А. А.* Фольклор как форма репрезентации и интерпретации культурного ландшафта // *Культурные ландшафты России и устойчивое развитие*. Четвертый выпуск трудов семинара «Культурный ландшафт» / под ред. Т. М. Красовской. М. : Геофак МГУ, 2009. С. 39–45.
4. *Зеленин Д. К.* Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии (Этнографический и историко-литературный очерк) // *Он же*. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М. : Индрик, 1994.
5. *Иванова А. А., Калуцков В. Н.* Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. М. : Изд-во ПФОП, 2006.